

DOI 10.35775/PSI.2025.125.8.006

УДК 39

ДУН ЯН

аспирант кафедры археологии
и специальных исторических дисциплин
Белорусского государственного университета,
Беларусь, г. Минск

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ УЙГУРСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ

Дискуссии по некоторым ключевым вопросам истории древних уйгуров требуют систематизации и всестороннего анализа. В данной работе, основываясь, прежде всего, на письменных памятниках древних тюрок и уйгуров, определены основные места проживания союза племен токуз-огуз и других народов Центральной Азии в VII-IX вв. Рассмотрены версии археологов по идентификации археологической культуры древних уйгуров. Представлены результаты изучения и культурно-хронологической интерпретации материалов раскопок на погребально-поминальных комплексах древних уйгуров. Впервые автором на основе изучения исторических, археологических и этнографических данных приведены основные результаты исследования. В результате исследования сделаны определенные фундаментальные выводы, которые по своей весомости могут обозначить ключевые особенности древних уйгурских захоронений.

Ключевые слова: древние уйгуры, Токуз-огуз, Центральная Азия, археологическая культура, погребальные комплексы, культурно-хронологическая интерпретация, исторические источники, этнографические материалы.

Советские историки продолжали изучать историю уйгуров Восточного Туркестана и особенно уйгуров Центральной Азии и создали много замечательных научных работ в этом направлении. Различные аспекты этой важной темы были затронуты или получили некоторое освещение в работах по истории Синьцзяна, российско-китайским и советско-китайским отношениям, а также истории Центральной Азии по другим вопросам. Меняющиеся исторические судьбы уйгуров, а также их родины Восточного Туркестана (Синьцзян) были предметом исследований многих историков, археологов, географов, литературоведов, филологов, искусствоведов и других ученых.

Существует огромная литература по этим вопросам на разных языках мира, посвященная в основном античности и Средневековью. На новейшую историю уйгуров, в частности, национально-освободительные движения XIX-XX веков, некоторые историки не только не обращали внимания, но и предпочитали их замалчивать. Изучение этих вопросов, жизненно важных для уйгурского народа, у которого до сих пор нет хотя бы краткой сводной истории в виде

монографического исследования, было начато только в бывшем Советском Союзе советскими уйгурскими учеными.

По истории и культуре древних уйгуров Центральной Азии в эпоху древнетюркских каганатов VI-X вв. накопилось достаточно много как эпиграфического, так и археологического материала, результатов исследований в других областях науки – филологии, этнографии и антропологии. Уже в конце прошлого столетия произошел весьма ощутимый и значимый сдвиг от реконструктивно-описательной истории к аналитической, что было продиктовано не только наличием дошедшего до критической массы исторического материала, но и безусловным кризисом прежних методологий и технологий исторического исследования [2. С. 181-183; 4].

Надежды на получение новых источников по истории средневекового населения Центральной Азии, в том числе древних уйгуров, в основном связаны с археологическими исследованиями, поскольку именно изучение и интерпретация артефактов из раскопок позволяют заполнить «незаписанные» отрезки истории кочевых этносов и реконструировать появление их материальной и духовной культуры. Исследователи древностей Сибири и Центральной Азии интересовались в дореволюционный период прежде всего вопросами этнокультурного характера. В то время формулировались теоретические и методологические принципы изучения археологических и письменных источников, исторических периодов и народов. Однако, несмотря на эти особенности, тем не менее, именно со второй половины XIX века непосредственно начинается научное изучение мировоззрения древних кочевых народов Центральной Азии. Этот процесс во многом связан с деятельностью выдающегося ученого В.В. Радлова. Основываясь на своих раскопках в Южной Сибири и Казахстане, он сделал некоторые выводы о социальной, экономической жизни и мировоззрении кочевников. В.В. Радлов обратил внимание на сопутствующие конские захоронения, которые часто встречаются в курганах раннего железного века. Характерным в этом отношении был Берельский курган, где В.В. Радлов обнаружил 16 лошадиных скелетов. Принимая во внимание эти данные, а также наскальные рисунки того времени, на которых изображены только всадники, ученый пришел к выводу, что древние племена Алтая были кочевниками» [6. С. 25].

Обнаруженные в захоронении на р. Орхон в Монголии и на могильнике Ник-Хая на Среднем Енисее фрагменты орнаментированной керамики оказались близки к керамике, зафиксированной на площади уйгурской столицы Орду-Балык, что и позволило идентифицировать данный погребальный обряд как уйгурский. В настоящее время большинство исследователей разделяет точку зрения об уйгурской принадлежности южно-сибирской и центрально-азиатской группы погребений, совершенных по обряду ингумации в сопровождении шкуры коня. В ряде работ отмечается, что уйгурский период сыграл весьма значительную роль в формировании мировоззрения и культуры населения Саяно-Алтайского нагорья. С распадом уйгурского каганата связано сложение

кимако-кыпчакского государственного объединения на Иртыше, в котором приняли участие племена уйгурского происхождения.

С.П. Нестеров, представив в своей работе сводку известных на тот период сопребений человека со шкурой коня, отметил, что ареал их распространения включает преимущественно западные районы степей Евразии. По его мнению, в хронологический период VIII-XII вв., кроме уйгуров, еще целый ряд этнических групп Центральной Азии, чья этническая принадлежность остается дискуссионной, использовали этот характерный элемент обрядности. Захоронения со шкурой коня могли практиковать и енисейские кыргызы, отличавшиеся однообразием погребального обряда [3. С. 115].

Последнее замечание нуждается в уточнении. Под насыпями курганов с трупосождениями могильников Хара-Хая II, Оглахты, Самохвал и Означенное IV были зафиксированы необожженные фаланги коня. Это позволяет предположить, что в погребальной обрядности енисейских кыргызов использовались шкуры, снятые таким же способом, что и зафиксированные в погребениях с трупоположениями. Таким образом, мы имеем четыре точки зрения на этнокультурную принадлежность носителей обряда со шкурой коня: кыпчакскую, тюркскую, кыргызскую и уйгурскую.

В 2011 году на могильнике Эрбек-10 в могиле кургана № 3а, датированной ранним средневековьем, под разрушенным каменным наземным сооружением было обнаружено захоронение молодого человека с сопутствующим даром в виде конской шкуры с конечностями и черепом и туши барана. Шкуру лошади (сохранились длинные кости конечностей с копытами и половина нижней челюсти) можно было натянуть на погребенного или положить рядом с ним. В Монголии (памятник Хушот-Худжирте), в могиле, изученной Л.А. Евтюховым, захоронение, совершенное по обряду закладки трупа, сопровождалось лошадиной шкурой. Более того, «коня» взнуздали и оседлали, сняли кожу вместе с длинными костями задних конечностей. Захоронения с черепами и длинными костями ног, оставленными в коже, известны также на юге Забайкалья. В целом монголо-тувинская группа захоронений из конских шкур заметно уступает Минусинской группе в количественном отношении [5. С. 96].

Второй контраргумент исходит из области исторических и этнографических данных. Прежде всего, следует отметить несоответствие между археологическими данными и письменными свидетельствами. Могильная могила Танская хроника сообщает, что в хойху (гаогюй) «мертвых относят в вырытую могилу, труп кладут посередине, с натянутым луком в руках, опоясанный мечом, с копьем подмышкой, как будто живой, но могила не заполнена». В довольно хорошо разработанной классификации средневековых захоронений Южной Сибири нет ничего типологически близкого к приведенному выше описанию. Известно, что на территории Казахстана каменные ограды служили семейными или родовыми святилищами, где совершались ритуалы поминовения или жертвоприношения предкам. Внутри ограждений закреплены вертикально установленные каменные статуи мужчин и женщин.

Существенное расхождение между версиями исследователей об археологической культуре и определением мест обитания древних уйгуров Центральной Азии затрудняет реконструкцию событий VI-X веков. Учитывая этот факт в уйгуровских исследованиях, необходимо, прежде всего, систематизировать всю известную информацию по истории древних уйгуров, объяснить некоторые спорные моменты в дискуссиях археологов. Выявление советско-монгольскими экспедициями каменных надписей уйгурской эпохи на территории Монголии и введение их в научный оборот в 1970-1980-е годы подняло изучение истории Уйгурского каганата (744-840) на достаточно высокий уровень.

Сведения этих памятников – Терхинской (753 г.) и Тэсинской (762 г.) рунических надписей, а также уйгуро-согдийской билингвы из Сэврэя (763 г.), во многом дополнили известия известных ранее науке памятников уйгурского времени – уйгурской надписи Могойн Шине Усу (также именуемой Селенгинским камнем или надписью Моюн-чура) (759-760 гг.) и Карабалгасунской уйгуро-китайско-согдийской трехязычной надписи (821 г.), а их сопоставительный анализ с данными танских исторических сочинений дал возможность реконструировать многие неизвестные ранее страницы этно-политической и социальной истории Уйгурского каганата.

Текстологический анализ сведений одного из указанного выше древнеуйгурского камнеписного памятника – Терхинской надписи, в сопоставлении с данными танских исторических сочинений, позволяет реконструировать малоизвестные или неизвестные ранее эпизоды военно-политической истории Уйгурского каганата, к которым относится военный поход в Восточный Туркестан фактического основателя Уйгурского каганата Элетмиш Бильге-кагана (дотронное имя: Баян-чор) в 750-х годах и дворцовые перевороты в уйгурской столице – Ордубалыке, связанные с Алп Кутлуг Бильге-каганом (Тон бага-таркан, 779-789 гг.) и его преемником Ай тенгрида болмыш кюлюг бильге каган (Талас / кит. Долосы, 789-790 гг.).

К сожалению, в танских династийных историях отсутствует биография Ван Ху-сы. Отрывочные сведения источников сообщают лишь об отдельных фактах его биографии. В «Тан хуэйяо» говорится, что в 733 г. он был назначен военным губернатором четырех гарнизонов Аньси в Западном крае. Однако, уже в 740 г. Ван Ху-сы фигурирует в событиях, связанных с военными действиями танских сил против киданей и татабов на Северо-Востоке танской империи. Согласно Э. Пуллиблэнку, в этот год он получил назначение в армии Пинъгу, став непосредственным командиром Ань Лушаня, будущего руководителя анти-танского мятежа. В 741 г Ван Ху-сы заменил Ли Шицзи, военного губернатора округа Ючжоу. На этом практически исчерпывается информация о Ван Ху-сы.

А.Г. Малявкин, изучавший танские сведения о Ван Ху-сы, идентифицировал его с другим крупным танским военачальником Ван Чжун-сы, внесшим свою лепту в разгром восточных тюрок в середине 740-х годов и неоднократно вступавшим в контакт с уйгурами. Однако для этого не имеется никаких сколько-нибудь серьезных оснований. Вместе с тем нужно иметь в виду, что Ван

Чжун-сы не мог иметь некитайское имя. Имя «Чжунсы», означавшее преданный наследник, было пожаловано ему танским императором и имело свой смысл: он мстил за отца, убитого тибетцами. Совершенно очевидно, что Ван Ху-сы и Ван Чжун-сы – это два разных лица [7. С. 187].

Среди китайских источников по истории Уйгурского каганата центральное место занимают две танские династийные истории: «Цзю Тан шу» (Старая история династии Тан/ЦТШ) и «Синь Тан шу» (Новая история династии Тан/СТШ), отличительные особенности которых неоднократно обсуждались в научной литературе. Новая версия танской истории считается более полной и улучшенной, однако правдивость некоторых дополнений, сделанных ее составителями, зачастую подвергается исследователями сомнению. К таким дополнениям в разделе «Жизнеописание уйгуров» СТШ относится сообщение об участии уйгурской катун (главная жена кагана), являвшейся внучкой танского генерала Пугу Хуайэня, в дворцовом перевороте в Ордубалыке в 790 г.

Обе династийные истории рассказывают, что в этот год был убит уйгурский каган Долосы (уйг. Талас, кит. титул: Чжунчжэнькэхань; сын Тон бага-таркана), а престол занял его младший брат. Узурпатор, однако, не нашел поддержки в высшем эшелоне власти и вскоре был убит министрами-буюруками, которые провозгласили каганом законного наследника престола малолетнего А-чжо (уйг. Эр-чор?). При изложении этих событий танские династийные истории разнятся в небольшой детали. Если ЦТШ сообщает, что во время переворота каган был убит его младшим братом, СТШ добавляет, что он был отравлен своей катун «принцессой Е», которая была внучкой Пугу Хуайэня: «Сын [Пугу] Хуайэня был уйгурским ябгу, поэтому дочь последнего именовали «прицессой Е[ху]» (т.е. принцессой Ябгу) [1. С. 103-114].

В результате, он был вынужден поднять мятеж против танской династии в 764 г. На помощь ему Бёгю-каган прислал конницу во главе с младшим братом и великими буюруками-министрами. Только внезапная смерть Пугу Хуайэня позволила Танам усмирить повстанцев и восстановить союзнические отношения с уйгурами. Источники отмечают, что при заключении союза глава уйгуров обратился к танскому генералу Го Цзы-и с просьбой пощадить сыновей Пугу Хуайэня, ссылаясь на то, что они являлись братьями уйгурской катун. Хотя не сообщается о том, каким был ответ танских представителей, однако нет сомнений в том, что танская династия, заинтересованная в дружеских связях с уйгурами, выполнила просьбу уйгуров и разрешила сыновьям Пугу Хуайэня уйти с ними в Ордубалык. Очевидно, при дворе кагана сыновья Пугу Хуайэня заняли высокое положение. Один из них даже получил титул ябгу, который обычно носили принцы крови. Именно дочь этого ябгу впоследствии стала женой уйгурского кагана Долосы.

Установление достоверности приведенного выше сообщения «Синь Тан шу» дает возможность связать убийство Долосы-кагана с упомянутым ранее дворцовым переворотом 779 г., когда была прервана основная ветвь царского дома Яглакаров. При Бёгю-кагане племя бугу занимало второе место в иерархии

токуз-огузских (уйгурских) племен. Однако приход к власти Тон бага-таркана изменил положение этого племени, которое теперь лишилось прежних привилегий. Это получило отражение в статусе принцессы Ябгу, ставшей не главной, а второй женой кагана Долосы. С учетом сказанного, участие принцессы Ябгу, внучки Пугу Хуайэня в неудачном дворцовом перевороте 790 г. можно рассматривать как попытку племени бугу восстановить свое бывшее положение в племенной иерархии в Уйгурском эле.

Открытое недавно в Монголии захоронение Шорон бумбагар, представлявшее кенотаф (символическое погребение без скелетированных останков) вождя племени бугу И-ту-шо-е, умершего в 678 г., в особенности пространный эпитафия на китайском языке, показывают особое место этого племени в истории древнеуйгурских племен. Последний из изложенных выше эпизодов истории уйгуров, связанный с уйгурской катун по имени «Принцесса Ябгу», свидетельствует о том, что это по крайней мере три представительницы бугу были уйгурскими катун, главной женой кагана, соответственно это племя занимало второе место в племенной структуре Уйгурского каганата. Не случайно, именно представитель этого племени Бугу Чин (кит. Пугу Чин) стал родоначальником Уйгурского Турфанского княжества в Восточном Туркестане в середине IX века.

Заключение. В целом по результатам рассмотрения проблем истории и культуры древних уйгуров в трудах археологов можно сделать ряд выводов, касающихся истории народов и племен Центральной Азии во времена древнетюркских государств (VI-X вв.), основанных в большей степени на исследовании древних уйгурских захоронениях различных исторических эпох. В первую очередь, стоит отметить, что местами основного проживания древних уйгуров в VII-IX вв. по письменным источникам, в первую очередь на древнетюркских языках, являлись правобережные земли р. Хемчик в Западной Тыве, Юго-Восточная Тыва, территория Северной Монголии от Монгольского Алтая с запада до Хангайской и Хэнтэйской горных систем на востоке.

Китайские летописи сообщали о тюрках, что они заимствовали обряд захоронения с конем у другого народа, и «геройствовали в пустынях Севера» силами девяти племен. Поэтому такие погребения древнетюркского времени могут относиться к местным телеским племенам. Обряд трупоположения с конем был характерен для древних тюрков Тянь-Шаня и Семиречья в раннем средневековье. Вопрос о том, какой обряд был характерен собственно для уйгуров, пока остается открытым в связи с отсутствием сколько-нибудь значительного числа раскопанных погребений по обряду трупоположения со шкурой коня.

Сведения уйгурской надписи также привлекаются для анализа дворцовых переворотов, произошедших в уйгурской столице – городе Ордубальке в 779 и 790 гг. На основе сопоставительного анализа данных источников делается заключение о том, что участие внучки танского генерала Пугу Хуайэня по имени «принцесса Ябгу» во дворцовом перевороте 790 г. является еще одним подтверждением высокого положения токузогузского племени бугу (кит. пугу) в родоплеменной иерархии Уйгурского каганата, о чем также свидетельствует найденная

недавно в захоронении Шорон бумбагар эпитафия вождя племени пугу И-тушо-е, составленная в 678 г. на китайском языке.

Детализация различных аспектов истории тюрков Алтая в уйгурское время связана как с дальнейшими полевыми исследованиями, так и с публикацией материалов раскопок прошлых лет, часть которых введена в научный оборот весьма фрагментарно. В частности, большое значение имеет изучение и интерпретация на современном уровне ярких результатов работ Саяно-Алтайской экспедиции в Курайской степи. Часть этих материалов относится к последней четверти I тыс. н.э. и является опорной при характеристике сложных процессов этнокультурной и социально-политической истории тюрков в период их существования в составе каганатов уйгуров и кыргызов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Вайнштейн С.И.** Древний Пор-Бажын // Советская этнография. 1964. № 6.
2. **Варламов О.Б.** О датировке «уйгурских» погребений Тувы // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово: КемГУ, 1987. Ч. II.
3. **Дашибалов Б.Б.** Археологические памятники курькан и хори. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995.
4. **Дьяконова В.П.** Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975.
5. **Евтюхова Л.А., Киселев С.В.** Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. 1941. Вып 16.
6. **Кляшторный С.Г.** Надпись уйгурского Бегю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства: Сб. ст. М.: Наука, 1987.
7. **Кляшторный С.Г.** Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2010.
8. **Кубарев Г.В.** К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI-XI вв. н.э. // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. I.

DONG YANG

Postgraduate student at the Department
of Archaeology and Special Historical Disciplines
at the Belarusian State University, Minsk, Belarus

UYGHUR BURIALS

Discussions on some key issues in the history of the ancient Uyghurs require systematization and comprehensive analysis. This paper, based primarily on written monuments of the ancient Turks and Uyghurs, identifies the main places of residence of the Tokuz-Oghuz tribal confederation and other peoples of Central Asia in the 7th-9th centuries. It examines archaeologists' interpretations regarding the identification of the archaeological culture of the ancient Uyghurs. The results of the study and the cultural-chronological interpretation of excavation materials from the burial and commemorative complexes of the ancient Uyghurs are presented. For the first time, based on the study of historical, archaeological, and ethnographic data, the author presents the main findings of the research. As a result of the study, certain fundamental conclusions were made, which, due to their significance, may indicate key features of ancient Uyghur burials.

Key words: Ancient Uyghurs, Tokuz-Oghuz, Central Asia, archaeological culture, burial complexes, cultural-chronological interpretation, historical sources, ethnographic materials.